

умирающего, подъ кровлю Ростовыхъ, гдѣ онъ и примиряется со своей бывшей невѣстой. То «новое», что появилось въ князѣ Андрѣ, заставило его понять многое и простить.

«Любя человѣческой любовью, можно отъ любви перейти къ ненависти, но божеская любовь не можетъ измѣниться, любить человѣка дорогого можно человѣческой любовью; врага же только любовью божеской»,—говоритъ себѣ князь Андрей и прощаетъ тѣхъ, кого больше всего ненавидѣлъ—Анатоля и Наташу.

«Онъ слишкомъ хорошъ, онъ не можетъ жить, разъ съ нимъ случилось «это» (всепрошеніе, любовь къ врагамъ)»,—говоритъ про него Наташа.

Это смягченіе, умиленіе были признаками смерти. Въ немъ чувствовалась отчужденность отъ всего мірскаго. Онъ съ трудомъ понималъ все живое, потому что ему было открыто что-то такое, чего не понимали живые и что всецѣло захватило его. Онъ знавалъ, что умираетъ, и безъ тревоги ожидалъ того, что неизбѣжно.

«Любовь есть Богъ и умереть—значить мнѣ, частицъ любви, вернуться къ общему и вѣчному источнику».

Мысль эта казалась ему утѣшительной.

«Смерть есть пробужденіе»,—думаетъ князь Андрей и чувствуетъ какъ бы освобожденіе своего духа и ту странную легкость, которая до самой смерти не оставляла его.

Окружающіе видѣли, что въ немъ умирало только тѣло, «его уже не было, онъ ушелъ отъ нихъ». Куда онъ ушелъ? Гдѣ онъ теперь? Позналъ ли истину?